

ТЕАТР

„Медeia“

ГАСТРОЛИ ТЕАТРА ГРЕЧЕСКОЙ ТРАГЕДИИ В ТБИЛИСИ

Греческий театр! Как много встает за этим понятием, какой огромный смысл оно в себя вбирает, какие величественные ассоциации рождает в памяти каждого! За этим понятием — и громада тысячелетий, и яркое солнце Эллады, и светящее нам из глубины веков, и имена трагиков — величайших драматических гениев, каких только рождало человечество, и крылатые слова Маркса о вечной прелесть греческого искусства, которое и в наши дни является нормой и недостижимым образцом. Занем и гордое настоящее земли и народа, давших известных всеми миру героев.

Обычай по своему колориту ореол славы вокруг самого понятия «греческий театр» сегодня помножен на тот большой успех, который сопутствовал Пирейскому театру во время его двукратных гастролей в столице нашей Родины. И разве всего сказанного недостаточно для того повышенного интереса к театру, которым охвачен сегодня тбилисский зритель?

Что может быть отраднее оправданных ожиданий? Мы испытали это чувство вчера на спектакле «Медeia», когда состоялось первое знакомство тбилисского зрителя с Пирейским театром.

Первое знакомство. Оно бывает обычно робким, неопределенным. Не очень четко видны его очертания, его дальнейшие перспективы.

Вчерашнее знакомство заявило о себе сполна. Во весь голос. Оно утвердило себя во всей неповторимой конкретности, стало осязаемым и реальным. И я не ошибусь, если доложу о сказанном: состоялось уважение обоюдное. Мы, зрители, увидели чудесный коллектив театра,

его замечательного режиссера Димитриоса Рондириса, великолепного балетмейстера Лукию, удивительную, почти неправдоподобную в своей первозданности актрису Аспасию Папатанассию и все ее окружение. А театр, в свою очередь, мне думается, не мог не ощутить зрителя, его трепетной реакции.

Чем же обусловлен этот обоюдный контакт, это ощущение общности и какого-то внутреннего взаимопонимания?

Не видя еще Пирейского театра, не зная его художественных примет и особенностей, можно было бы представить себе, что театр этот (поскольку он греческий и играет античные трагедии) находится в прямой зависимости от своих античных предков, несет на себе печать древнего представления, находится во власти механического воскрешения того, что так сильно поразило умы и сердца древних афинян.

Что ж, не без этого, не без воскрешения старого. Но, заметим, воскрешения особого, своеобразного, преломленного сквозь призму современной мысли, сквозь ощущения театра античности, как вечно живого, вечно юного праздника человечества.

Перед нами — современный театр, в самом точном и самом исчерпывающем смысле этого слова. Современный не по каким-то стилистическим особенностям формы, не по признаку модернизации традиций. Современный по духу своему, по способу проникновения в мир человеческих страстей, в мир сильных, даже могучих духом, по степени строгости и благородства, по умению сделать античную трагедию не музейно статичной, не ста-

туарно — архаичной, а живой, трепетной, действенной нормой и действительно недостижимым образцом.

...Спектакль начинается с низких, но настораживающих звучаний. Они, эти звучания, и в тревожности музыки альной фразы (музыка композитора К. Кидониатиса), и в постепенно возникающих контурах дома, и в той, умышленно затянувшейся паузе, от которой вест какой-то страшной, томительной значительностью и предзнаменованиями недоброго.

Но нет, в этом замедленном темпе нет ничего нарочитого или мистически неясного. И как бы в подтверждение реальности происходящего, дан выход нормальности ее стенаниям на горькую участь Медей, с ее откровенно приземленным способом изъяснять свои чувства, в которых еще не ощущается нечеловеческого, взметнувшегося ввысь грандиозного трагического накала. И в этом есть своя логика. Еврипид, самый че-

ловечный из греческих поэтов, стремился изображать и изображал людей такими, какими они были в действительности. И, в поведении кормилицы, какой играет ее артистка Е. Зерва, отчетливо видна эта «обыденность». Добавим тут же, что и другие герои спектакля — Ясон — А. Сенакис, Креонт — Е. Мессидис, Эгей — И. Ликомитрос, Воспитатель — К. Галана-

НА СНИМКЕ: Аспасия Папатанассию в роли Медей.

Фото С. Олашова.

кис, Вестник — Н. Хаджискос несут на себе печать этой обыденности, хотя в общем некоторым из них недостает порой конкретизации своих чувств, или точнее — раскрытия внутреннего склада героев. Ведь каждый из них приходит на сцену утвердить свое желание. И пусть у Ясона эти желания раздвоенны и неопределенны, а у Креонта и Эгея определены четко, актерам необходимо показать не только внешнюю силу темперамента, но и движения души. И уж поскольку речь зашла о степени чувств и соотношении его с внешней формой, то надо говорить об Аспасии Папатанассию. Говорить и восторгаться.

Это удивительная, совершенно необычайная трагическая актриса. Когда раздается за сценой ее могучий голос, становится страшно. Невольно думаешь про себя: сейчас из-за двери возникнет мощная фигура Медей. А выходит маленькая, хрупкая женщина, исполненная женственности, канувшая незащищенной и легко ранимой. Думали ли режиссер и актриса о неограниченной силе контраста, о том, что по мере развития действия забывалась об этом контрасте и видишь, как на глазах растет Медей, как нарастают ее страдания, ее сила, ее могучая, невероятная, нечеловеческая потенция? И пусть А. Папатанассию играет оскорбленную женщину, пусть женское в ней — на первом плане, пусть где-то ступившая мысль о Медее, восставшей против поправной в мире справедливости, в этом нет сужения темы трагического, отхода от общего к частному.

Исполнение актрисы и весь строй спектакля создают эту картину всеобщности, утверждают трагедию во всей ее величавой, непревзойденной значительности. И здесь, рядом с Медеей — Папатанассию

выступает хор коринфских женщин (ведущие — М. Герарду, Е. Рига). Хор, который настолько сильно впечатляет, что заставляет все забыть об известном сведении на него роли хора в трагедиях Еврипида. Хор в спектакле Д. Рондириса под магической рукой выдающегося балетмейстера Греции Лукии не только не терлет своего значения, но является активным участником в спектакле, его неотъемлемой частью, его «ударной» силой. Он то поет, то плачет, то плавно изгибается в едином потоке движений, то застывает в статичном, торжественном экстазе. Функции хора осложняются как бы тройной нагрузкой. Вот он общается со зрителем, вот активно вторгается в мир страданий Медей, вот «отрешился» от всех и точно ушел в себя, замкнулся в своих собственных мыслях. И все это — на одном дыхании, на плавно скользящей единой фразе, чеканной дикции и чарующем изяществе линий. Поистине совершенной! Совершенно с точки зрения художественной гармонии и постижения смысла античной трагедии.

Грузинскому зрителю это постижение дорого вдвойне. Оно возникло на материале, столь близком нам, — на материале древнего мифа о грузинской жещине, оно прозвучало в краю, имеющем право на особую требовательность к исполнению именно этой трагедии древности.

Греческий театр! Вот он предстал перед нами во всем своем откровении, во всем всеоружии — интересный творческий коллектив, коллектив одержимых труженников искусства, несущий людям идеи гуманизма и добра, высоких нравственных идеалов и прогресса.

Этери ГУГУШВИЛИ,
кандидат искусствоведения.